

БЕСѢДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ разговорѣ съ Синаискимъ, Красоткинымъ и Поспѣловымъ Сократъ объясняетъ, что понятіе движенія можетъ быть разсматриваемо съ трехъ точекъ зренія: 1) метафизической, ідѣ оно состоитъ изъ актовъ нашего общенія и взаимодействія со всѣми другими субстанціями міра въ ихъ метафизической связи другъ съ другомъ; 2) психологической, ідѣ оно состоитъ въ смынѣ сознаваемыхъ нами ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ и съ другими психическими состояніями и, наконецъ, 3) физической, ідѣ оно состоитъ въ перемынѣ положенія и мыста въ пространствѣ. Первое понятіе движенія есть источникъ второго, а второе источникъ третьего. Терминомъ-же: движеніе, выражается собственно 3-я точка зренія, а въ первыхъ двухъ его употребленіе метафорическое. Причина того, что метафизическая наша связь и общеніе съ другими субстанціями не отражается прямо въ нашемъ сознаніи, заключается въ нашей ограниченности, которая обнаруживается въ узости и недостаточной интенсивности человѣческаго сознанія. При этомъ Сократъ объясняетъ понятіе технической или исторической системы, которая можетъ служить подобиемъ нашей метафизической связи съ другими субстанціями міра. Далѣе разговоръ переходитъ собственно къ физическому движенію и къ заключающемуся въ этомъ понятіи, противорѣчію, которое было вскрыто еще въ древности элейскимъ философомъ Зенономъ. Доказывая, что аргументы Зенона противъ понятія физического движенія основательны, Сократъ думаетъ, что противорѣчіе, вскрытое имъ, можетъ быть устранено указаниемъ на источникъ, изъ которого оно происходитъ.

Утромъ въ субботу тотчасъ послѣ чая я вмѣстѣ съ Сократомъ и другими гостями Карамазовыхъ поѣхали въ Петербургъ. Когда мы, взявши билеты, усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣздъ тронулся, то Синайскій обратился къ Сократу съ вопросомъ:

„Я не могу хорошоенько понять вашего мнѣнія о нашей ощущающей и двигательной дѣятельности. Иногда мнѣ кажется, что у васъ это только два слова для одного и того же, а иногда вы, повидимому, ихъ различаете. Мнѣ уже давно хочется попросить у васъ объясненія на счетъ этого пункта“.

Сократъ. Вашъ вопросъ въ сущности касается понятія движенія, въ которомъ совпадаютъ *три* точки зрењія на одно и то же, а именно: *метафизическая*, *психологическая* и *физическая*. Самая важная точка зрењія, конечно, метафизическія, потому что ею объясняются двѣ другія, составляющія какъ бы ея отраженіе. Съ метафизическій точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ акты общенія и взаимодѣйствія субстанцій въ ихъ обще-мировой связи. Съ психологической точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ соотвѣтствующая этому метафизическому взаимодѣйствію *смѣна* въ нашемъ сознаніи ощущеній и ихъ ассоціацій другъ съ другомъ, а также и съ сопровождающими ихъ чувствами и мыслями. Съ физической точки зрењія, движеніе есть не что иное, какъ *феноменъ* перемѣнъ мѣста материальными вещами въ пространствѣ. Что-же касается до общаго термина: движеніе, то онъ взять собственно изъ области физической, но уже издавна прилагается иносказательно и въ области психологической, какъ, напр., въ выраженіяхъ: потокъ, теченіе мыслей, движеніе чувствъ и т. под. Конечно, можно и теперь безъ всякаго сомнѣнія употреблять этотъ терминъ въ метафизическому и психологическому смыслѣ, но, однако, не забывая, что это употребленіе есть не болѣе, какъ *метафора*.

„Метафизическое движение или взаимодѣйствие въ обще-мировой связи не дано въ нашемъ первоначальномъ сознаніи такъ непосредственно, какъ даны мы сами себѣ и акты нашей дѣятельности, а

потому, мы можемъ дѣлать о немъ выводы и заключенія на основаніи только болѣе или менѣе правильнаго истолкованія перемѣнъ въ состояніяхъ нашего сознанія вообще. Эти заключенія тѣмъ болѣе могутъ подвергаться ошибкамъ, что, по нашему несовершенству, *сила* или *энергія* *актовъ* нашего сознанія весьма *ограничена* и *сфера* каждого отдельнаго акта чрезвычайно *узка*, такъ что большая часть нашихъ движеній или нашего метафизического общенія съ другими существами остаются *бесознательными*; значитъ, должны быть дополнены или угадываемы путемъ болѣе или менѣе правильныхъ гипотезъ и заключеній изъ нашего опыта, т. е. фактовъ какъ первоначального, такъ и сложнаго сознанія. Такъ, напр., даже общеніе наше съ тѣми тѣсно связанными съ нами субстанціями, значкомъ которыхъ служить наше тѣло, протекаетъ для нась болѣею частию бесознательно, каковы, напр., всѣ наши растительныя функціи или какова, напр., дѣятельность нашей души въ постройкѣ нашего тѣла. Въ зданіи обѣ этомъ предметѣ мы должны ограничиться только весьма неполными и шаткими теоріями...

Красоткинъ (съ досадою). Ну, ужь извините меня! Просто невыносимо слушать эту философскую ерунду! Да кто-же вамъ сказалъ, что ваша фантастическая душа строитъ тѣло.

Сократъ. Такъ какъ вы не признаете души, то, конечно, для васъ всего естественнѣе, что атомы или молекулы вещества въ своихъ вихреобразныхъ *кадриляхъ* и *валъсахъ* случайно образуютъ тѣло. Но для меня, который признаетъ *дѣйствительность души*, немыслимо, чтобы она не принимала никакого участія въ координаціи, поддержкѣ, усовершенствованіи функцій тѣхъ существъ, которыя съ нею тѣсно связаны и служатъ ей въ качествѣ орудій для ея взаимодѣйствія съ болѣе отдаленными по отношенію къ ней существами въ мірѣ. Для меня немыслимо, что-бы душа спала мертвымъ сномъ тогда, какъ образуется и группируется ея тѣло. По крайней мѣрѣ, наши ежедневныя, ежеминутныя сознательныя заботы о нашемъ тѣлѣ, о *правильности* его функцій (пища, жилище, лекарство и т. п.) и *соответствіи* ихъ съ нашею

жизнью ведутъ меня къ умозаключенію, что душа каждого изъ насъ дѣйствовала точно также и тогда, когда эти ея дѣйствія имѣли столь сравнительно *низшую интенсивность*, что не были сознаваемы, а потому и не вспоминаются, хотя и не исчезли въ ничто и всегда сохраняютъ за собою право стать объектомъ нашей мыслящей функции и быть сознаваемыми, вспоминаемыми и понимаемыми въ формѣ болѣе или менѣе ясныхъ понятій.

Когда Сократъ произнесъ эти слова, то Калгановъ, слушавшій разговоръ стоя, такъ какъ на двухъ скамеекахъ сидѣли Сократъ съ Синайскимъ и я съ Красоткинымъ, вдругъ наклонился къ послѣднему и сказалъ: „Будетъ Вамъ, Николай Ивановичъ, слушать эти басни! пойдемте-ка въ тотъ конецъ вагона, я вамъ тамъ кое-что покажу“; и, подхвативъ Красоткина подъ руку, Калгановъ подотпѣль съ нимъ къ какому-то пассажиру, котораго я, по близорукости, не могъ разсмотрѣть, а Сократъ съ Синайскимъ и совсѣмъ не могли видѣть, потому что сидѣли къ нему задомъ. Тогда Синайскій просилъ Сократа, не дожидаясь Калганова и Красоткина, продолжать начатую рѣчь, такъ какъ ему, Синайскому, чрезвычайно интересно слышать обѣ отраженіи въ нашемъ сознаніи метафизическихъ отношеній между нами и другими субстанціями.

Сократъ. Такъ какъ, при узости нашего сознанія, въ каждомъ его актѣ отражается только ничтожный отрывокъ нашей связи со всѣми субстанціями міра, то мы въ теченіе всей нашей жизни послѣдовательно переходимъ отъ одного звена *всей цепи этой мировой связи* къ другому. Отсюда происходитъ, что въ каждомъ пункѣ этого перехода и движенія измѣняются *перспектива и явленія* нашего сознанія, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли это, бесѣдуя о времени, все дѣйствительное бытіе и дѣйствительный міровой процессъ со всѣми его отношеніями причинъ, слѣдствій, цѣли и средствъ уже готовъ безвременно. Поэтому каждый клочекъ мірового цѣлага, освѣщающійся тѣмъ или другимъ актомъ нашего сознанія, необходимо мыслится въ видѣ того идеяного временнаго пункта, который называется словомъ:

„теперь“. Два-же другіе и тоже идеиные, соотносительные съ нимъ, пункты называются словами: „прежде“ и „послѣ“. Въ этихъ двухъ пунктахъ мыслится вся осталная міровая дѣйствительность, не освѣщаемая наличнымъ сознаніемъ. Въ пункте: „прежде“, помѣщается все то, что соответствуетъ понятію воспоминанія и что дано въ менѣе яркомъ сознаніи того-же содержанія, которое гораздо живѣе сознается въ пункте „теперь“. Въ пунктѣ „послѣ“ или „потомъ“ помѣщается все то, что соответствуетъ понятію ожиданія и что сознается въ болѣе или менѣе яркомъ образѣ фантазіи или воображенія того-же самаго, что первоначально также сознается въ пункте: „теперь“, а потомъ, говоря фигурально, погружается въ пунктѣ: „прежде“. Значитъ, наши „теперь, прежде и послѣ“ съ различными мыслимыми въ нихъ содержаніями соответствуютъ разнымъ особымъ звеньямъ уже безвременно готовой цѣпи, или *точнѣе спти*, координированныхъ между собою въ міровомъ цѣломъ субстанцій съ ихъ актами. Отсюда мы имѣемъ право на заключеніе, что отражающееся въ сознаніи наше метафизическое движение отъ одного единичнаго элемента этой сѣти къ другому можно понимать по аналогии съ нашими техническими или историческими системами, гдѣ всегда къ одному отдельному явлению или событию временно примыкаетъ другое то же единичное явленіе или событие, третье, четвертое и т. д.

Синайскій. Поясните, пожалуйста, примѣромъ, что вы разумѣете подъ *техническими* или *историческими* системами и подъ аналогіей между ними и метафизическими движениемъ отъ одного элемента міровой связи къ другому и отраженія этого движения въ сознаніи.

Сократъ. Прежде всего примѣромъ исторической системы можетъ служить всякий исторический разсказъ, а также драма, романъ и проч. Сюда же принадлежать и разнаго рода технические учрежденія и процессы, напр., фабрика, канцелярія, музыкальный концертъ и проч. и проч. Здѣсь вездѣ всякий составной элементъ системы индивидуаленъ и входить въ частное свое, а затѣмъ и въ міровое цѣлое на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, обусловленномъ единствомъ этого цѣлага. При

этомъ должно не забывать, что каждое существо, следовательно, и весь мы входимъ въ это цѣлое не только какъ зрители, но, главное, какъ дѣятели, такъ что, подобно пѣвцамъ въ концертѣ или музыкантамъ въ оркестрѣ, каждый поетъ свою партію и разыгрываетъ свои ноты. Повидимому и для поверхностнаго взгляда профановъ, каждый дѣлаетъ это независимо отъ другихъ и произвольно: но, какъ знаемъ это мы, посвященные въ порядокъ дѣла, каждый и начинаетъ, и кончаетъ, и присоединяется къ тѣмъ или другимъ голосамъ или инструментамъ, а также и умолкаетъ или дѣлаетъ паузы; — все это каждый дѣлаетъ вовсе не *ad libitum* и случайно, а строго систематически, сообразно духу и содержанію цѣлой симфоніи или пьесы, уже давно созданной и оконченной ея композиторомъ. Точно также и для каждого участника въ міровомъ концертѣ его мѣсто и роль опредѣлены сообразно съ вѣчно готовымъ міровымъ цѣльямъ; но въ измѣнчивой перспективѣ его узенъкаго индивидуального сознанія, этому каждому участнику, не посвященному въ систему и гармонію цѣлаго, кажется, что онъ какъ будто бы совершенно случайно и даже произвольно дѣлаетъ свои дѣла въ мірѣ. Но болѣе осмысленное отношеніе къ пережитому опыту и безчисленнымъ иллюзіямъ и ошибкамъ, случающимся съ нами въ жизни, могутъ убѣдить каждого мыслящаго человѣка, что въ силу причинной—или, что все равно, телологической—связи между всѣми звеньями міровой сѣти въ теченіи міра царствуетъ необоримая *необходимость* и что, следовательно, все то, что уже прошло въ прошедшемъ, не можетъ быть мыслимо не совершившимся и что порядокъ всѣхъ событий и явлений въ прошедшемъ долженъ быть понимаемъ *непреложеннымъ* и *рѣковымъ*. Отсюда мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ допустить перемѣщенія событий во временномъ порядке, хотя онъ и имѣеть свое основаніе и силу только въ нась и для нась. Нельзя, напр., произвольно поставить на мѣсто Юля Цезаря и римской имперіи Наполеона I и французскую имперію. „Но еще гораздо болѣе считаемъ мы не упорядоченнымъ и вполнѣ подлежащимъ *случаю* и *нашему произволу* будущее, хотя горький опытъ

заставляетъ насъ усомниться въ этой кажущейся его беспорядочности и случайности и прийти къ болѣе или менѣе ясному убѣжденію, что и будущее столь-же непреложно упорядочено, какъ и прошедшее. Особенно-же это убѣжденіе вызывается тѣми многочисленными случаями, когда мы торжественно подносимъ къ своимъ устамъ заранѣе съ большими усилиями и жертвами подготовленную чашу счастія и радости и когда въ тотъ-же моментъ какой-то таинственный рокъ безжалостно вышибаетъ ее изъ рукъ и проливаетъ. Въ этомъ безвременно упорядоченномъ міровомъ теченіи, которое ни подъ какимъ видомъ нельзя символизировать безконечною прямою линіею, а окружностью, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, а всего вѣрнѣе, пожалуй, шаромъ, уже также безвременно существуютъ всѣ пункты нашего метафизическаго движенія въ координаціи со всѣми пунктами такого-же движенія другихъ существъ и освѣщаются отдѣльными актами нашего сознанія во всѣхъ его функціяхъ. Но, къ сожалѣнію, эти метафизические звенья нашей міровой связи отражаются въ сознаніи весьма не-полно и отрывочно, а потому метафизическое истолкованіе явлений нашего сознанія не легко, такъ какъ въ него входятъ сложные выводы изъ трудно провѣряемыхъ предположеній. Поэтому весьма было-бы удобно воспользоваться понятіями Аристотеля для выраженія отношений между двумя областями, въ которыхъ терминъ движенія употребляется въ переносномъ смыслѣ и сказать, что метафизическое движеніе есть „первое по природѣ“, а психологическое есть „первое для насъ“. По этому „первому для насъ“, данному непосредственно въ сознаніи, мы должны построить путемъ спекулятивнаго мышленія „первое по природѣ“, не данное непосредственно въ сознаніи. Теперь-же я могу перейти...

На этихъ словахъ рѣчь Сократа прервали Калгановъ и Красоткинъ уже нѣсколько минутъ подслушивавшіе ее. Они вмѣстѣ съ Поспѣловымъ, оказавшимся пассажиромъ, сидѣвшимъ въ другомъ концѣ вагона, тихохонько подошли къ намъ, дѣлая мнѣ руками знаки, чтобы я ничего не говорилъ Сократу, занятому разговоромъ, обѣ ихъ присутствіи.

„Извините Сократъ Ивановичъ“, сказалъ, обращаясь къ нему, Калгановъ, „что я нарушаю вашу бесѣду, желая ввести въ нее новаго собесѣдника, уже знакомаго вамъ профессора, Поспѣлова“.

Поспѣловъ, поздоровавшись съ нами, съ своей стороны, также извинился въ нарушеніи бесѣды и просилъ Сократа продолжать свою рѣчъ съ того пункта, на которомъ его прервали. Затѣмъ Красоткинъ сѣлъ на свое старое мѣсто рядомъ со мною, а Калгановъ съ Поспѣловымъ сѣли на пустыхъ концахъ двухъ скамеечекъ противоположной стороны.

Сократъ (нѣсколько смущившись и обращаясь къ Поспѣлову). Собственно говоря, я хотѣлъ повести рѣчъ о новомъ пункѣ въ томъ вопросѣ, о которомъ мы разсуждали съ Петромъ Семеновичемъ, а потому вы, въ сущности, не прервали нити нашего разговора (Обращаясь къ Синайскому). Позвольте, кстати, мнѣ воспользоваться весьма удобнымъ случаемъ для иллюстраціи одного пункта нашего теперешняго разговора. Вотъ, сейчасъ произошло метафизическое движение, состоящее въ нашемъ переходѣ отъ одного звена въ общеміровой связи и взаимодѣйствіи нашихъ субстанцій съ субстанціями трехъ нашихъ почтенныхъ знакомыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соответствующая этому метафизическому переходу психологическая перемѣна въ нашемъ сознаніи, т. е. появленіе въ немъ зрительныхъ и осязательныхъ образовъ ихъ тѣлъ, а также и нашихъ умозаключеній объ ихъ мысляхъ и чувствахъ, сдѣланныхъ на основаніи звуковъ и словъ, отнесенныхъ нами къ нимъ, какъ причинамъ, произведшимъ эти слова и звуки и тому подобное.

Калгановъ. Ну, господа, видите-ли, какъ у него *умъ за разумъ* зашелъ. Да какая-же тутъ метафизика, когда вы собственными глазами видите, что, вотъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, къ вамъ подошли три человѣка, которыхъ вы можете, если хотите, не только видѣть, но даже ощупать. И какое еще нашли вы звено общеміровой связи въ томъ, что знакомые люди повстрѣчались въ вагонѣ. А когда въ Петербургѣ всѣ разъѣдемся по домамъ, то и звено распадается! Хо-

роша-же міровая связь изъ такихъ звеньевъ! (Къ Поспѣлову). Что вы скажете на это, профессоръ!

Поспѣловъ (Калганову). Полагаю, что и безъ моего посредничества вы сами можете объясниться съ Сократомъ Ивановичемъ, а я, можетъ быть, обращусь къ нему съ своимъ собственнымъ вопросомъ.

Сократъ (Калганову). Да, вѣдь, я ужъ вамъ тысячу разъ говорилъ, что дѣйствительныхъ субстанцій нельзя ни видѣть, ни ощущать, ни обнюхивать. (Махнувъ рукой и обратившись къ Поспѣлову). Впрочемъ, онъ спрашиваетъ такъ сказать, только для зубоскальства и разсыпятся или нѣтъ звенья міровой связи и существуетъ ли она— это его нисколько не интересуетъ. А, вотъ, мнѣ интересно было-бы узнать, съ чѣмъ вы сами желали-бы обратиться ко мнѣ.

Поспѣловъ. Да, если позволите, я сдѣлаю одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что вмѣсто метафизическихъ предположеній объ источниکѣ движения нужно было-бы обратиться съ вопросомъ объ его сущности къ точнымъ наукамъ, гдѣ съ полной ясностью и обстоятельностью дано и опредѣленіе этого явленія, и изслѣдованы законы всѣхъ формъ его, напр., къ механикѣ и къ физикѣ. Метафизическая-же гипотезы могутъ оказаться карточными домиками, а законы движения, изслѣдуемые точными науками, непреложны, ибо они подтверждаются такими несомнѣнными и поразительными фактами, каковы, напр., предвидѣнія астрономами тѣхъ мѣстъ, которыхъ будуть занимать небесныя свѣтила спустя десятки и сотни лѣтъ. Вотъ эти-то науки и даютъ намъ точное опредѣленіе движениія, по которому оно есть не что иное, какъ перемѣна мѣстъ тѣлами въ пространствѣ съ тою или другою скоростью, а тѣла даны намъ въ нашемъ чувственномъ опыте. Конечно, говоря о движениіи, мы соприкасаемся и съ областью психологии, но мнѣ кажется, въ отношеніи къ движению, психологія занимаетъ второстепенное мѣсто для его объясненія, а первое принадлежитъ физикѣ и механикѣ. Что-же касается до метафизики, то, по моему, безъ нея и совсѣмъ можно обойтись, ибо метафизическій пере-

ходъ отъ „однихъ звеньевъ мірової связы къ другимъ“, о которомъ вы говорили, есть безполезное предположеніе, не подлежащее и не могущее подлежать никакой *научной* провѣркѣ.

Сократъ. Я, съ своей стороны, думаю, что физика и механика вовсе не могутъ объяснить движенія, и считаю, что сдѣлать это могутъ только, съ одной стороны, *психология*, а съ другой — *теорія познанія* съ *метафизикой*. Не могу также согласиться и съ вашимъ мнѣніемъ, что будто бы теорія метафизического движенія не подлежитъ научной провѣркѣ. По моему, всякая предположенія, ихъ провѣрка и доказательство, вообще вся человѣческая научная дѣятельность зависить въ послѣдней инстанціи ни отъ чего другого, какъ отъ правильнаго мышленія вообще, а не отъ тѣхъ или другихъ особыхъ предметовъ, къ которымъ оно прилагается въ тѣхъ или другихъ частныхъ наукахъ.

„Теперь я опять стану на тотъ путь, по которому я шелъ въ разговорѣ съ Петромъ Семеновичемъ и съ котораго меня столкнула слѣпая послѣшность Петра Єомича. Надѣюсь, что отъ васъ, какъ ученика такихъ именитыхъ ученыхъ, подъ руководствомъ которыхъ вы работали за-границей, не укрылась наивность сдѣланнаго имъ мнѣ возраженія и что вы не станете спорить со мною въ томъ, что понятіе о движеніи, состоящее въ перемѣнѣ мѣста въ пространствѣ совершенно условное и имѣть значковый характеръ. Въ немъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, которые существуютъ только въ нашихъ представленияхъ, а именно въ тѣхъ, которые состоятъ изъ ощущеній зрѣнія и осязанія въ связи съ мускульными, т. е. тѣхъ же самыхъ, которые подаютъ поводъ и къ образованію идеи пространства. А такъ какъ пространство само по себѣ не существуетъ, то и это физическое движение вмѣстѣ съ видимыми и осязаемыми тѣлами реально не существуетъ. Но такъ какъ далѣе задача философіи, какъ науки, въ томъ и состоять, чтобы объяснить перемѣны въ явленіяхъ нашего сознанія изъ реальной природы нашего и другихъ существъ и ихъ дѣятельностей, то и намъ съ Петромъ Семеновичемъ пришлось не-

избѣжно коснуться метафизического взаимодѣйствія нашей субстанціи съ другими. Къ сожалѣнію, въ нашемъ сознаніи обнаруживаются только ничтожные отрывки этого взаимодѣйствія, а потому и путь нашего совершенствованія заключается въ томъ, чтобы постепенно переходить къ большей ширинѣ актовъ сознанія и такимъ образомъ постепенно охватывать въ немъ все большую и большую долю нашей реальной связи со всѣмъ міромъ. Что-же касается до *предвидѣній*, на которыхъ вы ссылаетесь, то они происходятъ не потому только, что образовались точныя науки съ строго формулированными законами движения, а потому, что люди вообще отмѣчаютъ и понимаютъ правильную координацію перемѣнъ въ состояніяхъ своего сознанія, что, въ концѣ концовъ, и выражается въ этихъ пресловутыхъ законахъ. Поэтому астрономическая и даже метеорологическая предвидѣнія дѣлались (конечно, только въ меньшемъ числѣ) и въ самой отдаленной древности, когда еще о такъ называемыхъ точныхъ наукахъ и рѣчи не было. Въ концѣ концовъ я не могу принять опредѣленія движения, какъ перемѣны мѣста тѣломъ въ пространствѣ по той причинѣ, что оно сопряжено съ противорѣчіемъ, котораго не замѣ чаютъ и не хотятъ замѣ чать представители точныхъ наукъ, но которое давно уже отмѣчено философами.

Поспѣловъ (съ пренебреженіемъ). Да ужъ не хотите-ли вы выдвинуть пресловутые софизмы Зенона вродѣ „Ахилла и черепахи“, которыми забавлялись въ греческихъ философскихъ школахъ взрослые дѣти, подобно тому, какъ теперешніе школьники иногда забавляются доказывая, что діаметръ равенъ хордѣ и т. под.

Сократъ. Да отчего-жъ бы мнѣ и не выдвинуть эти мнимые софизмы? Вѣдь, до сихъ поръ ихъ никто не опровергъ, не смотря на то, что многие пытались сдѣлать это и для того даже пускали въ ходъ высшую математику, не соображая того, что вопросъ совсѣмъ не относится къ области математики ни высшей, ни низшей, а подле житъ логикѣ и философской теоріи познанія. Впрочемъ, есть не мало философовъ, знакомыхъ съ математикой, которые добросовѣстно при-

знаютъ, что Зеноны версіи о движеніи до сихъ поръ никѣмъ не опровергнуты.

Поспѣловъ. А мнѣ помнится, напротивъ, что софизмъ „о быстроногомъ Ахиллѣ и медлительной черепахѣ“ опровергнутъ еще Аристотелемъ.

Сократъ. Извините, но мнѣ кажется, что ваше воспоминаніе не совсѣмъ точно. Правда, Аристотель *опровергалъ*, но *не опровергъ* Зенона, мнимый софизмъ котораго, какъ вамъ извѣстно, выраженъ въ такой дѣтски-наивной, но остроумной формѣ. Быстроногій Ахиллъ, говоритъ, по преданію, Зенонъ, никогда не можетъ догнать медлительной черепахи, потому что, по предположенію, пока Ахиллъ дойдетъ до того мѣста, отъ котораго пошла черепаха, она въ это время все-таки продвинется впередъ и т. д., значитъ, такимъ образомъ дѣло пойдетъ въ бесконечность. Разстояніе между Ахилломъ и черепахой сравнительно съ прежнимъ можетъ уменьшаться до бесконечности, но никогда не обратится въ нуль. Конечно, для ясности дѣла нужно отвлечься отъ шуточной формы проблемы и выразить ее абстрактно черезъ двигающіяся точки. Въ сущности смыслъ проблемы Зенона сводится къ вопросу: какъ можно сосчитать бесконечное число, потому что между всякими двумя точками пространства лежитъ бесконечное количество точекъ. Слѣдовательно, если движение есть перемѣна мѣста въ пространствѣ, то оно оказывается немыслимымъ, ибо, допустивши его, мы предполагаемъ возможность *счесть* бесконечное число, т. е., *нѣчто неисчислимое*, или *исчерпать неисчерпаемое*, пройти *непроходимое*, словомъ, впадаемъ въ полное противорѣчіе въ терминахъ.

„Что-же касается до упоминаемой вами попытки Аристотеля опровергнуть Зенона тѣмъ, что онъ въ своемъ „Ахиллѣ“ упустилъ изъ виду время, дѣлимость котораго идетъ параллельно дѣлимости пространства и что въ бесконечности моментовъ времени, данного въ какихъ либо предѣлахъ, можетъ быть исчерпано бесконечное количество точекъ, черезъ которое должна пройти движущаяся точка—то

прежнее затруднение этимъ нисколько не разрѣшается, а только переносится изъ одного элемента понятія движенія на другой: *съ пространства на время*. Тогда возникаетъ новый вопросъ, какъ исчерпать и реализовать безконечное число моментовъ въ какое либо опредѣленное время, напр., въ часъ, минуту и т. под. Впрочемъ, мнѣ *тоже помнится*, что и самъ Аристотель послѣ отказался отъ своей попытки. Но такъ называемымъ софизмомъ „Ахилла и черепахи“ не исчerpываются затрудненія, на которыхъ указалъ—не софистъ, а, сколько намъ известно изъ скучныхъ преданій объ его жизни, чрезвычайно стойкій и мужественный человѣкъ и мыслитель,—Зенонъ. Я хочу напомнить вамъ о другой его версіи: „летящая стрѣла спокойно лежитъ“ (или неподвижна), гдѣ уже совсѣмъ не приложима уловка Аристотеля перевести затрудненіе изъ одного мѣста въ другое. Если движеніе состоитъ въ перемѣнѣ вещью мѣста въ пространствѣ, то, значитъ, ея покой состоитъ въ томъ, что она всегда одинаково къ себѣ относится, или занимаетъ пространство равное ей самой. Значить, если нѣчто двигающееся, напр., стрѣла, въ каждый моментъ занимаетъ пространство равное ему самому, то все движеніе стрѣлы состоитъ изъ *суммы моментовъ покоя*, которая, конечно, не можетъ дать движенія, подобно тому, какъ безчисленное повтореніе: *теперь, теперь, теперь...* не дастъ времени или безчисленное повтореніе одной точки не дастъ пространства. Противорѣчіе этой второй версіи Зенона всего ярче можно выразить такъ: что *движущійся предметъ не въ разное, а въ одно и то же время въ одномъ и томъ-же мѣстѣ есть и не есть...*

Поспѣловъ (перебивая). Извините, что я васъ остановлю. Я, признаюсь сказать, былъ непослѣдователенъ въ томъ, что своей ссылкой на Аристотеля далъ вамъ поводъ удариться въ стародавнюю схоластику и выйти изъ сферы единственной возможной философіи, а именно *философіи научной*. Конечно, вы сейчасъ же и воспользовались мою неосторожностью и подняли споръ не о законахъ *реальнаго движенія*, но о *возможности* для Ахилла догнать черепаху, когда они

еще совсѣмъ не двигались съ мѣста. Конечно, обѣ этомъ можно спорить вѣка, а черепаха съ Ахилломъ все будуть стоять на своихъ мѣстахъ. Но, слава Богу, мы живемъ въ концѣ XIX вѣка, когда философія начинаетъ стоять на твердомъ базисѣ *фактовъ*, констатированныхъ науками, и прежде всего точными науками, представители которыхъ не станутъ безплодно сравнивать движенія, когда имъ не дана ихъ *действительная или предполагаемая скорость*. Поэтому вопросъ о томъ, когда Ахиллъ догонитъ черепаху, безъ всякихъ затрудненій разрѣшить всякий школьникъ, если ему скажутъ, въ какую единицу времени проходятъ Ахиллъ и черепаха ту или другую единицу пространства. Этимъ я хочу только сказать, что философія должна отправляться отъ понятій, *данныхъ въ точныхъ наукахъ*, и уже на нихъ строить гипотезы, могущія опять таки подлежать научной проверкѣ.

Сократъ (съ нѣкоторымъ озлобленіемъ). Да откуда же вы взяли, что естественные науки имѣютъ дѣло съ реальностью, а потому и должны служить базисомъ для философіи? А, по моему, онъ никогда не соприкасаются ни съ чѣмъ реальнымъ, а только съ условными понятіями и если мы думаемъ, на ихъ почвѣ строить науку о *действительно существѣ*, то ничего другого, кроме грубаго материализма, въ результатаѣ выйти не можетъ, и вся мнимая постройка философіи на базисѣ естествовѣденія состоить только изъ *субстанціированія понятій времени, пространства, матеріи и движенія*. Что же касается до вашихъ представителей точныхъ наукъ, то на ихъ вопросъ о скорости движенія черепахи и Ахилла Зенонъ просто сказалъ бы, что они не понимаютъ, или прикидываются не понимающими поднятаго имъ вопроса. Въ своихъ версіяхъ Зенонъ оспариваетъ и существованіе, и возможность движенія, какъ они понимаются ходящимъ мнѣніемъ; а потому, спрашивая о скорости, вы уже *догматически утверждаете* это существованіе и только повторяете то, что уже давно продѣлано древними, оспарившими Зенона. Вамъ, конечно, известенъ разсказъ о какомъ то циническомъ или стоическомъ фило-

софъ, который думалъ возразить на философемы Зенона тѣмъ, что *сталъ шагать*, но этимъ quasi-нагляднымъ возраженіемъ онъ только дѣлалъ логическую ошибку, извѣстную подъ названіемъ: *ignoratio* или *mutatio elenchi*. Въ новое время ту же ошибку повторяли и современники Берклэя, которые на его ученіе о томъ, что материальныя вещи суть только идеи, якобы *остроумно*, возражали предложеніемъ удариться головой объ идею, называемую стѣною, или пинаться идеями, одѣваться въ идеи и т. д. Во всякомъ случаѣ Зенонъ былъ вполнѣ правъ, что и не смотря на *кажущуюся* реальность движенія, отрикалъ его возможность, ибо если нѣтъ, какъ мы уже это видѣли, реальныхъ времени и пространства, то не можетъ быть и реального движенія. Если же кто хочетъ считать за таковое физическое движеніе со всѣми его математическими опредѣленіями, какъ это дѣлается въ точныхъ наукахъ, тотъ непремѣнно долженъ сперва допустить противорѣчіе въ своемъ исходномъ пунктѣ. Это совершенно походитъ на то, какъ, по теоріи Аристотеля, древняя трагедія должна неизбѣжно въ своей основѣ предположить всѣ нелѣпости миѳа, и только въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она уже можетъ подчиняться требованіямъ разума.

Поспѣловъ. Такъ, по вашему, и точныя науки, подобно древнимъ трагедіямъ, выходятъ изъ нелѣпыхъ основаній, а ужь потомъ становятся разумомъ, т. е. науками, да еще точными. Для меня это, извините, не иное что, какъ философскій фокусъ, который я попрошу васъ мнѣ объяснить. Да, кстати, я былъ бы вамъ также весьма благодаренъ, если бы вы уяснили мнѣ ваше *темное утвержденіе*, что будто бы естественныя науки стоятъ, по вашему, не на реальной, а на какой-то *условной почвѣ*.

Сократъ. Да, мнѣ, кстати, и не далеко ходить за примѣромъ желательного для васъ объясненія. Не смотря на то, что въ самомъ дѣлѣ древнія трагедіи построены на нелѣпомъ миѳическомъ основаніи, мы все таки и до сихъ поръ считаемъ ихъ за великія произведенія генія человѣческаго и удивляемся ихъ реальной правдѣ въ

изображеніи различныхъ человѣческихъ чувствъ, страстей, мыслей и дѣйствій и за согласие всего ихъ содержанія съ законами дѣйствительности и законами разума. Что же касается до вашего удивленія какъ такъ называемыя точныя науки, которыя, конечно, суть созданія разума, могутъ въ основѣ своей имѣть условныя и даже фиктивныя понятія, а въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ представлять цѣлые системы понятій о законахъ явленій или событій, подлежащихъ проверкѣ на опытѣ или безспорному предвидѣнію и предсказанію, то въ обширной области явленій жизни человѣческой есть и на это чрезвычайно замѣчательные и поучительные примѣры. Я хочу напомнить вамъ, во первыхъ, о человѣческихъ играхъ, напр., въ карты, особенно же въ шахматы, и далѣе о болѣе серьезныхъ вещахъ той же категоріи, именно о фиктивныхъ военныхъ дѣйствіяхъ или маневрахъ. Здѣсь мы имѣемъ условныя понятія войны, борьбы, войска, его составныхъ элементовъ и ихъ дѣятельности вмѣстѣ и въ отдѣльности, условное поле для столкновенія борющихся силъ для ихъ эволюцій, маршей, контрь-маршей, военныхъ хитростей и т. п. и т. п. Здѣсь, несмотря на всю фиктивность и условность войны, ея силь или элементовъ и орудій, появляются и развиваются вполнѣ реальныя чувства и страсти, сопровождающія и настоящую войну, каковы, напр., торжество побѣды, стыдъ пораженія, ревность соперничества, зависть и даже ненависть, наконецъ, являются не только нравственныя, но даже и материальные результаты и трофеи борьбы и т. п.

Поспѣловъ (улыбаясь иронически). А все таки не смотря на Ахилла, не дѣлающаго шага въ погонѣ за черепахою, и не смотря на летящую стрѣлу, которая лежитъ, инженеры и механики прокладываютъ желѣзныя дороги, строятъ мосты иѣздятъ по нимъ; астрономы предсказываютъ движенія свѣтилъ безъ всякой помѣхи со стороны безконечнаго числа точекъ въ пространствѣ и безконечнаго числа моментовъ во времени, по вашему мѣшающихъ движенію!..

Сократъ (Сердито). Но, вѣдь, то, что вы сейчасъ говорите, есть только повтореніе того, что сдѣлалъ философъ, который въ опроверженіе

Зенона началъ шагать, или же повтореніе вашего требованія дать скорость движенья, т. е., въ обоихъ случаяхъ допускается движение безъ его обосновки и вопреки его противорѣчивому опредѣленію. Но если вы хотите такъ насильственно отстаивать противорѣчіе, то я вамъ скажу, что ваши инженеры и астрономы, въ сущности сами того не подозрѣвая, исходятъ *не изъ мнимаго физическаго движенья*, а изъ *действительной психологической смѣны актовъ ощущенія* (или движения), въ концѣ-же концовъ изъ соотвѣтствующаго ей метафизическаго движенья или взаимодѣйствія субстанцій въ общеміровой связи.

Поспѣловъ (улыбаясь). Признаюсь, если перемѣна мѣста въ пространствѣ есть нѣчто мнимое, то очень любопытно было бы слышать отъ васъ, что значило бы, напр., пропутешествовать изъ Петербурга... ну, хоть въ Москву?

Сократъ. Куда хотите?! не только въ Москву, но хоть въ Африку къ источникамъ Нила. Сдѣлать это путешествіе, по моему, значило бы, во первыхъ, *пережитъ* психологическую смѣну безчисленныхъ ощущеній: зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, мускульныхъ и т. п. Во вторыхъ, пережить соединенные съ этими ощущеніями чувства, желанія, образы фантазіи, представлениія и понятія или мысли. Но кромѣ огромной массы этихъ актовъ или состояній, пережитыхъ сознательно, нужно не забывать объ еще гораздо большей массѣ ощущеній (движеньй), которая вслѣдствіе ничтожной степени ихъ интенсивности рядомъ съ сознательными пережиты были бы безсознательно. Эти безсознательные акты ощущенія обыкновенно разумѣются нами подъ имепемъ явленій физіологическихъ, химическихъ, физическихъ и т. под. Въ концѣ концовъ пропутешествовать изъ Петербурга къ источникамъ Нила значило бы принять участіе въ метафизическому движеніи различныхъ субстанцій, составляющихъ міръ и объединенныхъ въ вѣчныхъ бытіи и дѣятельности субстанціи высочайшей.

При этихъ словахъ Сократа раздался свистокъ, означавшій, что мы подъѣзжаемъ къ петербургскому вокзалу.

„Въ настоящую минуту“, продолжалъ Сократъ, обращаясь къ Постпѣлову, „мы должны прикончить нашу бесѣду, но если въ вѣчномъ бытіи уже какъ либо есть моя встрѣча съ вами и ваше желаніе еще разъ поговорить о томъ же предметѣ, то я могъ бы объяснить вамъ, вслѣдствіе какихъ ошибокъ мышленія проходитъ то противорѣчівое и опровергнутое Зенономъ понятіе движенія и какъ можно, по моему, весьма благополучнымъ образомъ устраниТЬ это противорѣчіе, не трогая высшей математики, а просто осторегаясь отъ естественной для человѣка склонности субстанціровать абстрактныя понятія и не давать себѣ отчета въ процессѣ своей-же собственной мыслительной дѣятельности.

Калгановъ (обращаясь ко всѣмъ). СлышиТЕ, господа, опять онъ заводить рацей о какомъ то безвременному бытіи. Докажемъ же ему во-очію, что все бываетъ во времени, а по сему я усиленно прошу васъ сегодня пораньше, часовъ въ семь, напр., собраться у меня пошить чайку и закусить чѣмъ Богъ пошлетъ. На всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ и на Сократа Ивановича я разсчитываю навѣрное, но буду особенно просить (обращаясь къ Постпѣлову) профессора сдѣлать мнѣ большую честь и удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Ужъ то то мы прижмемъ его (указывая на Сократа) къ времени и во времени.

Постпѣловъ (Калганову). Я готовъ исполнить вашу просьбу, если и всѣ остальные согласны и если вы мнѣ дадите вашъ адресъ.

Калгановъ. Такъ, какъ же, господа, вы согласны?

И когда всѣ обѣщали быть у Калганова, то онъ поблагодарилъ Постпѣлова, отдалъ ему свою карточку съ адресомъ, и сказалъ, что онъ самъ сейчасъ же опять полетитъ въ Царское, чтобы притащить и Карамазовыхъ.